

ТАЛАНТ ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ ДОБРОТЫ

КАК ЖЕ велика сила воздействия на нас искусства актера, если, попадая в плен обаяния его таланта, мы, как образно писал Николай Васильевич Гоголь, поистине потрясаемся одним потрясением, рыдаем одними слезами и смеемся одним всеобщим смехом. Мы забываем обо всем и верим искренне и беспредельно в ту вымышленную жизнь, которая проходит перед нами. Актеры кажутся людьми необычными, живущими в каком-то своем, особом мире, они предстают перед нами во множестве лиц, жизней, судеб, и мы отождествляем их с героями, образы которых они создают, наделяем их лучшими человеческими качествами, приписывая этим героям. Актера любят, ему верят, пишут письма, в которых, что называется, раскрывают душу — рассказывают о своей жизни, обращаются за житейским советом, делаются самыми сокровенными мыслями и мечтами.

Немало таких писем получает и Георгий Степанович Жженов.

Он рассказал об этом, когда мы встретились у него дома.

Разговор шел неторопливо, хозяин отвечал на все вопросы подробно и обстоятельно, но казалось, что мыслями он еще там, в театре, где только что закончилась репетиция нового спектакля. Правда, продолжалось это недолго. Как-то вдруг он словно освободился от груза тех переживаний и, улыбнувшись, продолжал рассказывать свободно и легко.

И эта улыбка сразу же напомнила его автоинспектора в кинофильме «Берегись автомобиля». Немолодой уже, немного чудаковатый, простодушный, с лихо сдвинутой на затылок фуражкой, он гоняется за «преступником» не столько для того, чтобы наказать его, а скорее потому, что жалко ему этого человека, ступившего не на ту дорогу. И он уговаривает Деточкина одуматься. Эпизод небольшой, идет несколько минут. Но что интересно: едва только мы увидели этого героя на экране, как почувствовали его жизненность, духовную наполненность этого образа, почувствовали, что перед нами актерская личность, что это — большой артист. Стоило взглянуть на его героя — и можно было рассказать о его жизни чуть ли не со всеми деталями и подробностями. Ну, например, что он прошел войну, что у него большая семья, что он очень любит детей, любит возиться по домашнему хозяйству, все умеет и делает своими руками. И жена у него, наверно, хозяйственная, заботливая, добрая... Под стать ему... В общем, целый роман можно написать. И не только по роли безымянного автоинспектора.

Это удивительная и прекрасная черта всех героев Жженова — они по-человечески интересны с первой и по последнюю минуту жизни на экране.

КОГДА заходит речь об этом актере, говорят, что он обладает многими незаурядными качествами: умеет бегать значительным в кадре, умеет обыграть паузу, наполнить ее глубоко человеческим содержанием. Он может даже просто молчать, думать и курить, а интерес к нему не ослабевает.

И дело не только в актерском мастерстве, профессиональном опыте. И даже не в актерском таланте. Хотя и в этом ему, конечно, не откажешь. Но есть здесь что-то главное, что делает именно «жженовскими» характеры героев, которых он играет. А что? Я подумал, что лучше узнать об этом у самого актера.

— Об этом меня спрашивают довольно часто, — ответил он. — И тут особого секрета нет. Просто за моими плечами весомый жизненный опыт, и, наверно, хочу я того или не хочу, но в каждой из ролей присутствует и частичка моей собственной жизни...

шой, интересной и многотрудной. В ней были не только сцена и съемочная площадка. Он был лесорубом, золотоискателем, грузчиком, шахтером, поваром, знал и умел делать любую работу. Цепкая память запечатлела сотни людей, их лица, характеры, манеры поведения, жесты, привычки. И все это находит свой выход в его творчестве. «Хранимое в сердце отражается на лице» — говорит народная пословица.

И что греха таить, режиссеры не раз использовали эти его прекрасные человеческие и актерские возможности, пытались благодаря ему как-то сгладить недостатки сценария, свои упущения. И не раз, и не два он действительно спасал и картины, и роли, хотя самому это и не приносило особого творческого удовлетворения, и он понимал, что при слабой литературной основе роли, сколько и как выразительно «ни молчи, ничего не вымолчишь». И потому всегда мечтал о цели и задаче «выше себя», мечтал о тех героях, до которых надо дотянуться и отыскать еще неизведанное, неизвестное, открывать для себя новые характеры, новые жизненные пласты.

ЧТО КАСАЕТСЯ сыгранных ролей, то сам он говорит так: все они как дети для матери, не тот самый любимый, что кудрявый да красивый, а тот, в которого вложено больше сил и здоровья. Так и роли — не та самая любимая, которая принесла популярность, успех, а та, что потребовала максимальных усилий для воплощения. И тут, может, не всегда мнение критики и зрителей совпадает с мнением самого актера. Но и больших расхождений, правда, тоже нет: сегодня Жженова знают по его автоинспектору в «Берегись автомобиля», Вилли Старку во «Всей королевской рати», Муромцеву в ленте «Человек, которого я люблю», по отцу Леониду в «Журавушке», Зарокову — Тульеву в «Ошибке резидента» и «Судьбе резидента», Бессонову в «Горячем снеге». Сам актер считает их своими лучшими работами.

Как правило, его герои сильные, волевые, наделенные чуткостью и добротой люди. При этом доброта у них не растекается сладкой патокой слов, она активна, действенна, а подчас суровая и жесткая. Тут, думается, самой яркой ролью из тех, о которых актер говорит «мои», стала роль генерала армии Бессонова в «Горячем снеге». Молчаливый, замкнутый, кажется, он не способен ни на какие чувства, он весь в себе. Хотелось

бы напомнить лишь два эпизода. Один — в блиндаже, в минуту затишья, когда Бессонов разговаривает с дивизионным комиссаром, членом Военного совета Весниным. Комиссар заговорил о нелепой смерти на войне людей. Генерал его спокойно поправил: «Солдат. А вы не помните, что они еще люди?» — восклицает Веснин. «Нет, не помню. Не имею права. Иначе начну думать, что у них есть отцы, матери, дети, — тихо проговорил Бессонов. — Что их ждут дома. Тогда трудно будет их на смерть посылать». Да, на первый взгляд есть в этих словах жестокость и суровость, но это на первый взгляд. Все это — во имя добра, во имя победы над злом, во имя самого человека.

И это добро, запятанное гдето в глубине, прорывается блестящей слезой и дрогнувшим голосом, когда Бессонов вручает ордена Красного Знамени семи оставшимся в живых, выстоявшим против врага бойцам. Таким же молодым, как и его пропавший без вести сын, которого он проводил в первые дни войны на фронт. «Спасибо за побитые танки. Спасибо вам. Все, что могу. Все, что могу лично...» И от скупых проявлений чувств старого солдата невольно перехватывает горло... Фильм этот прошел не только в нашей стране. Его смотрели в Западной Европе, в США, в странах Южной Америки, и всегда в зрительных залах в этом месте наступала особенная, напряженная тишина.

ДОБРОТА... Это свойство человеческого характера неотъемлемо принадлежит героям Жженова.

И в связи с этим актер рассказал о таком случае: для многих зрителей было полной неожиданностью, когда в фильме «О чем молчала тайга» он сыграл этакого злодея, тайного добытчика золота Аникина. Тут же стали приходить письма, авторы которых были искренне возмущены таким «проступком» актера. Писали о том, что ему нельзя играть подобные роли и что это чуть ли не обман их зрительского доверия. И вообще, во многих письмах звучало немного наивное, но неподдельное человеческое разочарование: как же так, казалось, такой хороший человек, и вот на тебе...

Конечно, в этом «виноват», безусловно, сам актер. Ведь из более чем семидесяти сыгранных им в кино ролей преобладающее большинство составляли герои положительные, наши

современники, активно борющиеся за правду или эту правду несущие. И удивительное жженовское обаяние делало их живыми и убедительными, соединяя в памяти зрителей в единый образ, полюбоившийся им и ставший дорогим.

Вот и новая картина, «Экипаж», которую зрители скоро увидят на экранах, познакомит нас еще с одним героем Георгия Степановича Жженова — летчиком Тимченко, беззаветно преданным небу, своему делу, товарищам. И эта преданность сильнее всех его других чувств. Когда думаешь о таком герое, невольно проводишь параллели с самим актером. Ведь и он пронес через все жизненные трудности святое и трепетное чувство к своему высокому званию актера. И он, как его герой — без неба, не представляет себе жизни без сцены, без съемочной площадки. Как и его герои, он предельно честен по отношению и к людям, и к самому себе прежде всего.

Мне недавно попалась на глаза одна любопытная его статья, где он не просто суров, а даже несколько, я бы сказал, жесток к себе.

«Признание зрителей — вещь приятная, — пишет он, — но и обманчивая. Я уже не молод. Я не могу просто отмахнуться: раз аплодируют — значит есть за что. И если никто меня не спросил: а за что тебе, собственно, аплодируют, то приходится задать этот вопрос себе самому. Уходят годы и уходят роли. Но годы ведь уходят для того, чтобы роли оставались с тобой. И когда этого нет, то на сердце делается как-то особо тоскливо».

Такая бескомпромиссная требовательность к себе многого стоит.

ОДНАЖДЫ на встрече со зрителями к Георгию Степановичу подошел парнишка и, покраснев, задал вопрос, который, наверно, не решился задать при всех: «Как стать Жженовым?» «Мил человек, — сказал актер, улыбнувшись. — Ты Жженовым можешь стать, а вот я тобой уже нет». И, наверно, вспомнилось ему тогда, как он, четырнадцатилетний, однажды пришел к матери и сказал, что будет поступать в Ленинградский эстрадно-цирковой техникум, и как не хватало ему двух лет и пришлось взять документы старшего брата. И о первых своих выступлениях на манеже, в акробатическом номере «2 Жорж» вспомнил. И фильм первый, еще немой — «Ошибка героя», в котором он сыграл роль Пашки Ветрова, и учебу в театральном институте у Сергея Герасимова, и роль в «Комсомольске», и эпизоды в «Чапаеве», пусть даже не вошедшие в фильм... Вспомнились и театры Магадана, Норильска, Ленинграда, где он работал, — все вспомнилось.

Да, мы знаем его больше по кино, но театр ему дорог до особого. Театр для него — школа, где он, известный мастер, по-прежнему продолжает учиться, где он, по его словам, не только поддерживает свою творческую форму, но может творить по-настоящему, в силу своего мастерства и таланта. Театр для актера, которому есть что сказать людям, — праздник. И его старый рабочий Забродин из «Ленинградского проспекта» И. Штока, и пламенный болгарский революционер Георгий Димитров в спектакле «Поединки века» И. Радоева, ожившие в его исполнении на сцене Театра имени Моссавета, они, как и его киногерои, сражаются за торжество добра и справедливости. И неустанен поиск таких героев у замечательного артиста, потому что он видит в них лучшие черты своих современников...

...Мы распрощались. Хозяин проводил меня до лифта. Чуть выше среднего роста, крепко сложенный, подтянутый, по-русски ясноглазый. И я еще раз поздравила его с тем, что присвоенным высоким званием «Народный артист СССР».

Г. ДОБЫШ.